

Bishop Seraphim Sigrist

Прошлое, настоящее и будущее Эдемского сада.

Дорогие братья и сестры!

Психологи говорят нам, что каждому ребенку присуща память о времени, которое предшествовало его рождению, и чувство утраты этого мирного времени. Человеческий род так же помнит доисторический Райский сад и чувствует свою потерянную невинность. Одна из тем православной литургической молитвы в начале Великого поста – это Адам, плачущий вне рая, который он потерял, но помнит.

Однако Райский Сад из первой главы Бытия напоминает о себе человеческому – и христианскому – воображению не только через чувство утраты и тоски.

В этой краткой статье я намереваюсь предложить некоторые другие «измерения» Рая. Мы не собираемся иметь дело с богословским вопросом о том, до какой степени, помимо известной нам по умолчанию, или какой протяженности Рай нами **утрачен**, но обратить внимание на его постоянное **присутствие** в человеческом воображении и понимании опыта.

Может быть, мы могли бы начать с любимой о. А. Шмеманом поэмы нью-йоркского еврейского поэта Чарльза Резникова.

Когда я однажды бродил

Наедине с моими несчастливыми мыслями,

Я огляделся и увидел

Что пришел в солнечное место,

Знакомое и все же чужое.

«Где я?» - спросил я прохожего. – «В раю».

«Как может это быть Раем? – я спросил, удивленный,

Поскольку там были фабрики и автомобили.

«Это он и есть, – ответил он мне, – Вот Солнце, что светило Адаму когда-то,

И тот же ветер, что дул на него».

Нью-Йорк 1951

Здесь, конечно, понимание, что, в конце концов, это все тот же мир, который создал Господь, уравнивает горечь потери. Для христиан же Христос есть Тот, Кто раскрывает мир таким, как его задумал Бог, поэтому на Рождественской Вечерне Православная церковь поет:

«Придите, возрадуемся Господу, поведавая настоящую тайну: разделяющая стена разрушена, огненный меч убегает, херувимы отступают от древа жизни, и я опять вкушаю от пищи райской»...

Также св. Максим Исповедник в *Трудности* 41 включает воссоединение земли как рая (Эдема) с землей обитаемой в число пяти соединений, совершившихся в воскресшем Христе. Четыре других – это воссоединение мужского и женского, небесного и земного, умопостигаемого и чувственного, и тварного – нетварного.

Но если в моменты, подобные описанному Резниковым, наш мир и Рай ощутимо сливаются, все же в основном мы не ощущаем себя в Раю, или по крайней мере не в такой полноте и не с такой легкостью.

Именно в Испании, где сады были важнейшей составляющей жизни, в частности, высшего общества, произошел расцвет средневековой еврейской духовной литературы, и именно из Испании регулярные сады пришли в Европу. На этом фоне наш мир выделялся авторами этой литературы как непрерывная череда внешних и внутренних садов, восходящих к Саду Эдемскому. Сад, по обобщению Артура Грина, есть скрытый уровень божественного и человеческого бытия, это не один только утраченный Эдем из библейской истории, и не тот только рай, в который воспарят наши души после смерти,— это Верхний мир, отраженный в наших садах. Сад внутри сада, где верхний питает нижний.

Образ реки непрерывного творения, нистекающей из Эдема в наш мир....

Схожее видение воплотил Данте в описании Земного Рая на вершине горы Чистилища, на вершине, которая сама и есть Сад Эдемский. Он размещен там, чтобы пребывать над беспорядком уровня нашей повседневной жизни. Здесь дует ветер в согласии с движением звезд. В огромных лесах этого сада нет троп, и все же там легко найти дорогу, и Данте видит пышную процессию и затем находит две реки. Испив из одной, мы избавляемся от горечи воспоминаний, другая возвращает нам осознание добра. Я полагаю, это центральное место Божественной комедии, столь ценное и важное, само по себе является восхитительным садом, желанным для посещения.

В наши дни, во времена харизматического обновления церквей, американский гимнописец Энди Парк, вряд ли знакомый с еврейской духовной литературой и даже с Данте, имел что-то вроде видения реки, сбегающей с Божьей горы, и написал гимн, начинающийся словами:

«С горы стекает река

Она освежает все на своем пути

По полям и через долины

Река стремится, и она уже здесь»...

Ощущение Рая как сокровенной стороны жизни лежит в основе концепции «инскэйпа», проникновения в истинную природу, духовную сущность вещей у английского поэта Джерарда Мэнли Хопкинса. Хелен Гарднер пишет: «Для Хопкинса проникновение есть нечто большее, чем восхитительный чувственный опыт. Для него это - инсайт, погружение, милостью Божией, в сугубо духовную реальность, видение характера, мелодии, воздуха вещи с той стороны, с которой ее видит Бог. Хопкинс особенно любил средневекового философа Дунса Скота и вполне мог понимать Скотову «этость» вещи, ее эссенциальность ("haecceitas") близкой своему «проникновению».

Тогда из данного краткого обзора возможно видеть, что, вероятно, Сад Эдемский – это не просто память о человеческом появлении когда-то давно, в прошлом, и не только, с другой стороны, проекция в прошлое нашего возможного будущего, но в христианской и еврейской духовной традиции это – внутренний уровень нашей реальности, уровень скрытый и – несущий.

Чтобы завершить параллель с Адамом, рыдающим за пределами Рая, у нас есть поэт Роберт Лакс, ожидающий Рая – того Рая, который ожидается, и в ожидании и в постижении сокровенной сущности вещей переживается и помнится нами.

«Я смотрю вперед. Всматриваюсь в точку, уже исчезающую или еще невидимую, вдали в будущее, где появится кто-то или что-то, кого я смогу узнать (где ты появишься)... мой человек, моя возлюбленная, если хотите; мое заветное существо, та, что я помню всегда, будет там».

Райский сад всегда с нами, заветный, приснопоминаемый и таинственно присутствующий в каждое мгновение.

